

ВОЕННЫЙ БЫТЬ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

XI — XV ст.

(Историческій очеркъ).

Предпринимая издание „Русской Старины“ съ цѣлью обнародованія матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся преимущественно до отечественной исторіи XVIII и XIX столѣтій, — ближайшихъ къ намъ по времени, но наименѣе извѣстныхъ изъ всей русской исторіи, — мы въ то же время обѣщали, что „всякое замѣчательное оригинальное изслѣдованіе изъ области исторіи до-Петровской Руси всегда найдетъ мѣсто на страницахъ нашего изданія“.

Вѣрныя своему обѣщанію, мы представляемъ на этотъ разъ очеркъ молодого ученаго, А. И. Никитскаго: „Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ“. Г. Никитскій оканчиваетъ обширный трудъ, представляемый имъ с.-петербургскому университету на ученую степень магистра, именно: „Исторію Пскова“. По тѣсной связи съ этой исторіей исторіи старшаго брата Пскова — Великаго Новгорода — г. Никитскій занялся изученіемъ и его, преимущественно внутренней, бытовой исторіи. Отдѣльныя главы изъ этого послѣдняго замѣчательнаго изслѣдованія, озаглавленнаго: „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“ — напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія *) 1869—1870 гг., а именно: „Правительственный Совѣтъ“ и „Великій Иванъ на Опокахъ“ (торговый бытъ).

Настоящій очеркъ представляетъ изслѣдованіе одной изъ важнѣйшихъ сторонъ въ бытовой исторіи Велико-Новгородской державы. Изслѣдованіе это основано на многихъ источникахъ, преимущественно лѣтописяхъ и актахъ, но всѣ ссылки мы, съ согласія автора, по значительности числа ихъ, опустили; онѣ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ въ отдѣльномъ изданіи почтеннаго труда г. Никитскаго.

Ред.

Въ древнѣйшій, патриархальный періодъ исторіи народъ и войско были явленіями почти тождественными: въ то время выраженія войско, полкъ и челядь обозначали просто народъ, тогда какъ впоследствии всѣ три реченія стали обозначать собственно военный классъ людей. Поэтому организація народа была вмѣстѣ съ тѣмъ и военною организаціею. Съ одной стороны центръ племенной жизни, городъ, былъ собственно не что иное, какъ только временной пріютъ отъ непріятеля: это доказывается какъ значеніемъ имени «городъ», такъ и дѣйствитель-

*) Естятъ замѣтимъ, что на страницахъ этого изданія довольно часто появляются весьма замѣчательныя изслѣдованія изъ области отечественной исторіи и исторіи русской литературы.

Ред.

нымъ характеромъ города. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту (городъ, городить, огорода, подобно тому какъ агх одного корня съ агсеге), или же на возвышенность мѣста, на которомъ обыкновенно воздвигался городъ: *ἄκρα*, *saritolium*, Вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго отсутствіемъ внутри стѣнъ жилого населенія, что обуславливалось разсѣянностью родового мѣстожителства: въ то время каждый родъ жилъ особо и городъ служилъ для нихъ только временнымъ убѣжищемъ. А если съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри его стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему Кремль, который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Постройка города и поддержаніе его (градоставленіе, *castrorum aedificatio*, *grado-zidanije*, *hradozděni*) составляли одну изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ племени, которые, если судить по позднѣйшимъ извѣстіямъ, отправляли эту повинность натурой, т.-е., собирались въ мѣсту постройки и совершали дѣло съобща. Эта обязанность господствовала долгое время и послѣ родового быта, а какъ тяжело ложилась она на народъ, видно изъ того, что названіе обязанности у римлянъ перешло на самыя стѣны: *moenia*. Съ другой стороны, народъ въ его мирной организаціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и войскомъ, которое шло отражать непріятеля или вносило войну въ предѣлы послѣдняго. Военная служба не была преимуществомъ однихъ или тягостью другихъ, а напротивъ, обязанностью для всѣхъ: тогда не могло быть поземельныхъ условій для поступленія въ ряды воиновъ, такъ какъ не было прочной осѣдлости, и такъ какъ владѣніе было общимъ. Всѣ годные къ оружію члены родовъ были естественно обязаны, въ случаѣ надобности, выходить на войну; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что войско, во всей его совокупности, было въ тоже самое время и народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Начальники племенъ и родовъ были и естественными предводителями на войнѣ; поэтому и названіе воевода, первоначально родоначальникъ, впоследствии получило исключительное значеніе полководца; поэтому и въ позднѣйшее время жители отдѣльныхъ округовъ выходили на войну подъ начальствомъ

своихъ старость, которые, сообразно со своимъ начальственнымъ положеніемъ, получали и большее, сравнительно съ простыми ратниками, вознагражденіе. Мѣстомъ сбора и отправленія, естественно, былъ городъ.

Но съ измѣненіемъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ, съ образованіемъ болѣе обширныхъ княжествъ, такой порядокъ долженъ былъ подвергнуться значительнымъ перемѣнамъ. Призваніе всего народа къ оружію, по незначительности болѣе части стольновеній, сдѣлалось не только крайне обременительнымъ, но и совершенно излишнимъ; но такъ какъ, съ другой стороны, и понятіе набора было совершенно чуждо древности, то пришлось избрать средній путь, по которому населеніе призывалось къ оружію съ нѣкоторыхъ или со всѣхъ его естественныхъ, соціальныхъ, пластовъ, съ нѣкоторыхъ мѣстностей или же со всей земли. Послѣдній случай, призванія народа къ оружію по мѣстностямъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ оборонительной войнѣ, когда въ страну вторгался незначительный непріятель. Тогда отраженіе послѣдняго обыкновенно предоставлялось той мѣстности, въ которой непріятель появлялся, причемъ военачальникомъ служилъ или мѣстный посадникъ, или же присланный на тотъ часъ особенный воевода. Иногда области подавалась помощь или изъ сосѣднихъ мѣстностей, или же присылалась вмѣстѣ съ воеводой изъ главнаго города, помощь, которая называлась въ такихъ случаяхъ засадой, заставой и первымъ дѣломъ которой было занятіе крѣпости (пригорода) въ подверженной непріятельскому вторженію мѣстности. Первый же случай, призваніе народа къ оружію по его социальнымъ пластамъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ наступательной войнѣ. Въ послѣдней важное мѣсто получаетъ дружина, окружающая князя и образующая какъ бы постоянный классъ военныхъ людей; она была всегда на-готовѣ и обыкновенно служила первымъ средствомъ защиты отъ непріятели. Отличительный характеръ русской дружины въ сравненіи съ германскою, съ комитатомъ, привыкли видѣть въ томъ, что на Руси дружина основывалась на постоянномъ общеніи съ княземъ, отъ котораго и получала свое содержаніе, тогда какъ комитатъ покоился на землевладѣніи, ибо дружинникъ, послѣ каждаго удачнаго похода, получалъ въ вознагражденіе отъ своего князя землю, которая и

замѣняла выдачу содержанія. Но результаты, добытые изъ сравненія двухъ различныхъ періодовъ развитія, обыкновенно ничего не доказываютъ, особенно когда и параллель не совершенно вѣрна. Какъ на Руси, такъ точно и въ Германіи, дружина находилась первоначально обыкновенно при князѣ и отнюдь не получала земель въ свое пользованіе; но отсюда однако нельзя заключать, что землевладѣнія дружина первоначально не знала, что оно явилось въ обѣихъ странахъ только впоследствии: дружина не знала только поземельнаго вознагражденія за службу. Такъ какъ многочисленность дружины составляла, особенно въ древнѣйшее время, одно изъ важнѣйшихъ предположеній княжескаго значенія, то князь естественно долженъ былъ не падать своихъ средствъ на содержаніе ея, снабжать ее достѣхами, оружіемъ и конями. Поэтому на дружину шли не только обыкновенные княжескіе доходы, но послѣдніе иногда взи-мались такими предметами, которые годны были для употребленія дружины, напр. оружіемъ и конями; въ послѣднихъ предметахъ князь особенно не долженъ былъ имѣть недостатка, такъ какъ за оружіемъ къ нему могъ обратиться, кромѣ дружины, и народъ, лишившійся его во время частыхъ походовъ: дворъ князя въ этомъ случаѣ служилъ какъ бы арсеналомъ. На сѣверо-западѣ Руси, въ Новгородѣ и Псковѣ, дружина, носившая въ древности имя гродей, въ позднѣйшее время получила названіе двора, дворянъ, княжанцевъ, шестниковъ или сестниковъ (advena); послѣднее потому, что дружина являлась съ княземъ изъ какой-либо другой страны, преимущественно съ Низу. Въ ней различались главнымъ образомъ два элемента: боевые люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ, и кошовые, т.-е. принадлежавшіе къ обозу. Число первыхъ было временами весьма значительно, простиралось до 300; но боязнь усиливающагося могущества великихъ князей побудила новгородцевъ, въ концѣ независимаго ихъ существованія, ограничить число дружины 50-ю человекъ.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда силы одной дружины оказывались недостаточными, когда приходилось обращаться за поддержкой къ народу, послѣдній рѣдко призывался къ оружію во всей его совокупности. Случалось, что выходила въ походъ одна только передняя дружина, т.-е. лучшіе, знатнѣйшіе люди,

преимущественно бояре; затѣмъ, въ случаѣ надобности, шли всѣ горожане. Сельское же населеніе участвовало только въ важнѣйшихъ войнахъ, да и то преимущественно тѣ лица, которыя принадлежали къ разряду болѣе состоятельныхъ, обладавшихъ землею; пѣшци же и бобыли, не имѣвшіе земельныхъ участковъ, призывались къ оружію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Участіе во всеобщемъ, поголовномъ ополченіи характеризовалось въ древности выраженіемъ идти и съ дѣтьми. Въ этомъ случаѣ въ походъ выходили какъ отцы семействъ, *patres familias*, такъ и большая часть ихъ сыновей, изъ пяти, напр., только одинъ оставался дома. Вообще, военною службою былъ обязанъ всякій, кто только могъ взять въ руки палку; лица же, пытавшіяся какъ-либо отклониться отъ участія въ войнѣ, подвергались немедленному военному суду: ихъ били и штрафовали деньгами. Исключеніе имѣло мѣсто только для одного духовенства, которое оставалось дома молить Бога объ успѣхѣ похода; но подъ духовенствомъ разумѣлись только лица, уже получившія посвященіе; дьякъ же, подвергшійся тонзурѣ, но еще не посвященный, исключался изъ этого класса и долженъ былъ идти въ ряды ратниковъ. Но если въ походъ выходили отцы семей и съ дѣтьми, то необходимо предположить, что были случаи, когда войско составляли одни отцы семей; по крайней мѣрѣ у западныхъ славянъ встрѣчаются примѣры несенія военной повинности именно отцами семей. И въ этотъ періодъ на имущественныя (поземельныя) отношенія обращалось точно также мало вниманія, какъ и въ предшествовавшій, патриархальный; ничего неизвѣстно о томъ, чтобы понятію «отецъ семьи» соотвѣтствовало какое-либо поземельное понятіе. Во всякомъ случаѣ, не было опредѣленной соразмѣрности военной повинности съ социальнымъ положеніемъ населенія, съ количествомъ обладаемой имъ земли: единственное опредѣленіе размѣра обязанности состояло въ томъ, что кто имѣлъ коня, тотъ зачислялся въ конную рать; у кого же коня не было, тотъ садился въ лодью, т.-е. поступалъ въ пѣхоту. Уже древнѣйшему времени извѣстно было распредѣленіе войска въ битвахъ на три отдѣла, называемые полками: большой полкъ или чело, занимавшій средину, затѣмъ правое и лѣвое крыло или рука. Въ челѣ обыкновенно помѣщалось народное ополченіе, дружина же занимала крылья и образовала

сильный резервъ, который въ пылу битвы старался съ боковъ охватить непріятеля. Если въ походѣ принимало участіе нѣсколько союзниковъ, то въ челѣ помѣщался обыкновенно храбрѣйшій изъ нихъ. На югѣ въ этой роли въ древности являлись варяги, на сѣверѣ же, позднѣе, новгородцы, такъ какъ послѣдніе были «въ боеви дерзи», т.-е. отличались своею храбростью. Съ теченіемъ времени сталъ выдвигаться и второй строй, къ тремъ полкамъ стали присоединять еще два новыхъ, передъ или передовой и сторожи или сторожевой полки, такъ что общее число полковъ, на которое распредѣлялось войско въ большихъ битвахъ, простиралось до пяти; тѣмъ развитіе и кончилось, ибо распредѣленіе на пять полковъ сохранилось до конца разсматриваемаго періода.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ порядокъ долженъ былъ испытать новыя перемѣны, съ одной стороны подъ влияніемъ водворяющейся осѣдлости, съ другой, подъ влияніемъ обособленія отдѣльныхъ земель. Последнее имѣло мѣсто для сѣверо-запада Руси, Великаго Новгорода и Пскова, гдѣ выработалось особенное устройство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военный бытъ получилъ отличный отъ остальной Руси отпечатокъ.

Черты, которыми характеризуется нынѣ озерная область, должны быть представлены болѣе выпуклыми, должны быть разсматриваемы, такъ-сказать, въ увеличительное стекло, для того, чтобы можно было составить о нихъ надлежащее понятіе въ минувшее время. Съ одной стороны лѣсъ, который въ древности еще изобильнѣе покрывалъ эту страну, какъ доставлялъ вѣрное убѣжище для населенія, такъ и препятствовалъ вторженіямъ непріятеля; съ другой же множество рѣкъ, озеръ и болотъ, изъ которыхъ инныя исчезли вмѣстѣ съ ихъ именами и которыя обыкновенно обильно наполнялись водою какъ весною, такъ и осенью, сообщало странѣ островной характеръ. Поэтому доступъ къ Великому Новгороду въ лѣтнее время былъ вообще чрезвычайно труденъ, для конницы же рѣшительно невозможенъ; пѣхота одна только могла быть употреблена въ дѣло, да и то единственно потому, что въ случаѣ надобности помѣщалась на суда. Такой характеръ страны былъ причиною того, что татарское нашествіе почти не коснулось Новгорода; что не одному князю приходилось блуждать между новгородскими озерами и болотами,

питаться кониной и сдирать кожу со щитовъ и, вмѣсто богатой добычи, возвращаться домой пѣшимъ и даже безъ доспѣховъ и вооруженія. Подъ покровомъ такой естественной защиты, новгородцамъ приходилось главнымъ образомъ заботиться о томъ, какъ-бы протянуть въ искусныхъ переговорахъ зиму, когда со стороны непріятеля возможно было употребленіе разныхъ военныхъ силъ, какъ-бы прожить её «пролыгаяся», если говорить выразительнымъ лѣтописнымъ языкомъ: лѣтомъ же имъ нечего было бояться; лѣтомъ, во время разлива водъ, они жили «безъ опасы». Кромѣ того, новгородцамъ не нужно было посвящать столько труда искусственной оборонѣ своего города, сколько, напр., это выпало на долю Пскова: въ то время какъ послѣдній, находясь среди небольшой области и по близости сильныхъ враговъ, естественно долженъ былъ заботиться объ укрѣпленіи средоточія своей жизни, строить и поправлять одну стѣну за другою (всѣхъ стѣнъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было четыре); въ то время въ Великомъ Новгородѣ можно было ограничиться и меньшею тратой средствъ. До XIV-го столѣтія въ немъ существовала только одна стѣна, называвшаяся дѣтинцемъ, кромнымъ городомъ или кремлемъ; эта стѣна была передѣлана въ каменную, по всей вѣроятности, въ 1044-мъ году Ярославомъ, а затѣмъ въ 1116-мъ расширена Мстиславомъ. Но такъ какъ населеніе помѣщалось не въ дѣтинцѣ, кремлѣ, а кругомъ его, то и относительно послѣдняго приходилось принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Поэтому новгородцы, слышавъ о приближеніи непріятеля, окружали весь городъ временными деревянными стѣнами, которыя назывались острогомъ (стерегу) и служили защитой на первое время. По прошествіи опасности, эти стѣны забрасывались и выдвигались только тогда, когда снова начиналъ грозить непріятель. Но съ усиленіемъ, въ XIV-мъ столѣтіи, Москвы и Твери новгородцы должны были позаботиться и о болѣе прочныхъ укрѣпленіяхъ для своего города. Поэтому, въ началѣ XIV-го вѣка, именно въ 1302-мъ году, построена была каменная стѣна на Софійской сторонѣ, а затѣмъ, въ періодъ времени отъ 1331 до 1335 и на Торговой, начиная отъ церкви св. Іліи кругомъ до Борисоглѣбской. Около того же времени новгородцы сдѣлали болѣе обширный ровъ и валъ, въ 1333-мъ году кругомъ Софійской стороны, а въ 1387-мъ

сооруженъ былъ валъ кругомъ Торговой. Съ теченіемъ времени стѣны, вслѣдствіе неумѣнья строить прочно, нерѣдко приходилось передѣлывать; но вновь, кажется, не прибавлено ни одной, такъ что Новгородъ до конца своего существованія былъ защищенъ только двумя стѣнами и валомъ. Впрочемъ и въ этотъ періодъ, когда опасность была велика, прибѣгали къ временнымъ укрѣпленіямъ; строили деревянные остроги, только теперь уже, кажется, по валу; одѣвали въ деревянные стѣны самую рѣку Волховъ, съ которой неприятелю удобно было нападать на городъ, и даже воздвигали стѣны чрезъ рѣку на судахъ.

Обязанность постройки укрѣпленій (городоставленія) въ древности считалась столь важною, что призывъ къ ней прерывалъ обыкновенное теченіе дѣлъ; лица, на которыя выпадала эта обязанность, освобождались отъ необходимости являться въ княжескій судъ, если бы они случайно подверглись послѣднему. Подъ вліяніемъ патриархальныхъ (родовыхъ) представленій о старшинствѣ главнаго города, метрополи, эта обязанность падала главнымъ образомъ на жителей подвѣдомственной городу области и производилась пригономъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что изъ извѣстнаго числа жителей области, напр. пяти, одинъ, пятый, долженъ былъ идти на постройку города, а другой, четвертый, снабжалъ его необходимыми на время постройки принадлежностями. Жители же самаго города ограничивали свое участіе только назначеніемъ нарядчиковъ (распорядителей работами) отъ торговыхъ рядовъ. Не одни однако жители главнаго города, но и все вообще духовенство стремилось освободиться отъ обязанности городоставленія; хотѣло пользоваться защитой городскихъ стѣнъ, но не хотѣло соединиться съ чернью для постройки ихъ. Единственной формой, въ которой духовенство раздѣляло по временамъ тягость городоставленія, было ссуженіе владыкой суммъ изъ софійской казны на сооруженіе стѣнъ, чѣмъ объясняется между прочимъ участіе и даже руководство владыки въ постройкахъ. И изъ городской казны дѣлались, вѣроятно, по временамъ ссуды на постройку города; по крайней мѣрѣ, въ городскихъ доходахъ была статья, специально предназначенная на расходы по городоставленію, именно денежные пени за нарушенія грамотъ, выданныхъ городомъ. Понятно, что, при такихъ исключеніяхъ, повинность городоставленія не была

легкою обязанностью; даже въ позднѣйшее время, когда уже пали различныя привилегіи, пригонѣ, напр. по случаю постройки моста, возбуждалъ противъ себя жалобы.

Главный, старѣйшій городъ, созданный трудомъ преимущественно сельскихъ жителей, служилъ мѣстомъ прибѣжища для цѣлой земли, особенно во время большой войны. Тогда какъ сельское населеніе, такъ и обитатели другихъ менѣе значительныхъ городовъ, въ особенности бояре, устремлялись со своими хозяйствами въ главный городъ и обзаводились тамъ избами, которыя продавались на торгу совсѣмъ готовыми. По минованіи опасности, всѣ пускались на прежнее мѣстожительство, захвативъ съ собой и приобрѣтенныя избы, такъ какъ трудно было рассчитывать на то, что они найдутъ невредимыми свои старыя жилища. Впрочемъ, такое скопленіе земли въ главный городъ случалось, какъ выше замѣчено, только во время вторженія въ страну многочисленнаго непріятеля: а такіе случаи были очень рѣдки. По бѣльшей же части приходилось имѣть дѣло съ какою-либо незначительною шайкой; въ такихъ обстоятельствахъ достаточную защиту для населенія представляли укрѣпленія, построенныя въ разныхъ краяхъ земли. Первоначально, когда городовъ (пригородовъ) не было въ странѣ, или же было очень мало, роль укрѣпленій играли осѣки, приводимыя въ оборонительное положеніе предъ наступленіемъ войны. Находясь временами въ лѣсу, они доставляли для жителей и ихъ имущества довольно безопасное мѣсто, ибо непріятелю трудно было даже узнать объ ихъ существованіи. Но съ теченіемъ времени главную роль въ мѣстной оборонѣ страны начинаютъ играть пригороды. Если приглядѣться ближе къ распредѣленію пригородовъ по области, то нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторой правильности. Такъ, во Псковѣ пригороды не только по окраинамъ земли и образуютъ нѣкоторый кругъ, но и строятся въ тѣхъ мѣстностяхъ и тогда, гдѣ и когда возникаетъ опасность: сначала на западѣ противъ нѣмцевъ (Изборскъ, Гдовъ, Кобыльскій), и на югѣ противъ Литвы (Коложе - Опочку, Велье, Вороночь, Красный, Вышгородъ), а затѣмъ въ XIV и XV-мъ столѣтіяхъ, и на востокѣ, противъ своего старшаго брата (Вревъ, Котельный - Выборъ и Володимирецъ). Это правило соблюдалось и въ Великомъ Новгородѣ, и тамъ пригороды

располагались по границамъ; но такъ какъ новгородская земля была обширна, то однихъ пограничныхъ пригородовъ было недостаточно: нужно было еще сверхъ того построить нѣсколько городовъ по тѣмъ путямъ, которыми чаще всего проходилъ непріятель. Такъ, по шведскому пути были помѣщены пригороды: Тиверскій, Копорье, Орѣшекъ, Ладога; по нѣмецкому — Луга и Яма; по одному изъ литовскихъ, рѣкою Шелонью — Вышгородъ, Высокое, Порховъ и т. д. Постройка и поддержка пригородовъ ложилась опять-таки на сельское населеніе, которое заготовляло въ должномъ мѣстѣ необходимыя для города запасы, лѣсъ и балки, поставляло людей для работы, съ той, вѣроятно, волости, въ которой строился пригородъ, и платило деньги, когда при работѣ были употребляемы наемные мастера. Первые двѣ формы обязанности: заготовленіе снарядовъ и личное участіе въ работѣ, падали по преимуществу на низшій слой сельскаго населенія; послѣдняя же, плата денегъ, на высшій, на лицъ, обладавшихъ въ области землей, земцевъ.

Таковы были средства оборонительной войны. Относительно же наступательной уже раньше было замѣчено, что, съ водвореніемъ большей осѣдлости за основаніе для несенія военной повинности была принята земля, такъ какъ съ осѣдлостью она стала главнѣйшей формой имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ водворилась и соразмѣрность военной повинности съ имущественнымъ положеніемъ населенія, подобно тому, какъ на Западѣ такая же соразмѣрность введена была военною реформою Карла Великаго. Нормою при распредѣленіи военной обязанности сдѣлалась соха, т.-е. пространство, которое могъ запахать владѣлецъ земли самъ-третей и на трехъ лошадахъ. Смотря по мѣрѣ надобности, нѣсколько такихъ сохъ соединялось въ одно цѣлое, которое и ставило отъ себя коннаго ратника: въ опасныхъ случаяхъ цѣлое образовалось изъ четырехъ сохъ, слѣдовательно, конный ратникъ ставился примѣрно съ 12-ти человѣкъ; въ менѣе опасныхъ — изъ десяти сохъ, слѣдовательно, ратникъ брался съ тридцати обывателей. Но въ землѣ у однихъ былъ избытокъ, у другихъ же ея совсѣмъ не было. Къ числу послѣднихъ относились вообще меньшіе люди, въ области — пѣшци и бобыли, въ главномъ же городѣ — молодые люди. И тѣ и другіе, вслѣдствіе ихъ несостоя-

тельности, освобождались отъ набора въ конную, а входили въ составъ особой, пѣшей рати. Послѣдняя набиралась нѣсколько иначе: извѣстное число меньшихъ людей, напримѣръ двое, по-кручало, т.-е. снабжало какъ военными, такъ и хозяйственными принадлежностями (на Западѣ: *adjutorium, conjectus*) третьяго, который и отправлялся въ войско. Бывали, однако, случаи, когда и меньшихъ людей, по крайней мѣрѣ городскихъ, заставляли идти въ конную рать; но, съ одной стороны, эти случаи были крайними, какъ напримѣръ, время послѣдней борьбы Новгорода съ Москвою; съ другой же — даже въ подобныхъ случаяхъ, особенно когда походъ затягивался, меньшіе люди не могли воздерживаться отъ жалобъ на разореніе ихъ доспѣхами и лошадьми. Изъ всего этого не трудно усмотрѣть, что хорошее исключеніе всегда только подтверждаетъ правило. Да и вообще все сельское населеніе, даже лица, сидѣвшія на участкахъ, рѣдко входили въ составъ конной рати, а образовали большею частью пѣшій контингентъ. Къ первому же разряду лицъ, обладавшихъ землею въ избыткѣ, принадлежали бояре. И если они, въ качествѣ горожанъ, и старались избавиться отъ обязанности городоставленія, за то собственно военная служба ложилась на нихъ большею тяжестью, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Бояре не только должны были на свой счетъ являться на службу на конѣ и съ дружиною, числомъ пропорціональному количеству обладаемой ими земли, но еще и быть въ доспѣхахъ, броняхъ; въ послѣднемъ сходились съ ними развѣ одни только богатѣйшіе капиталисты. Рать, составленная изъ лучшихъ людей, служила для войска центромъ и обыкновенно занимала отдѣльное отъ остальной массы, мѣсто.

Того, что сказано нами о боярахъ, никакъ нельзя распространять и на духовенство. Послѣднее было единственнымъ классомъ людей, которые стремились избавиться не только отъ обязанности городоставленія, но даже и отъ военной службы. На Западѣ церковь, исходя изъ божественнаго права, стала стремиться къ абсолютной свободѣ, т.-е. къ изытію отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, въ то время весьма немногочисленныхъ; но она не отказалась, однако, отъ своихъ гражданскихъ правъ: духовенство хотѣло пользоваться защитою городскихъ стѣнъ и военной силы, не принимая со своей стороны участія

ни въ постройкѣ крѣпостей, ни въ доставленіи ратниковъ. Подобныя же стремленія духовенства къ абсолютной свободѣ замѣчаются и на Востокѣ, на Руси. И какъ на Западѣ церковь, для обоснованія своихъ претензій, ссылалась преимущественно на Ветхій Заветъ, который понеясности могъ служить обильнымъ источникомъ для всякаго рода доказательствъ; такъ на Руси подобную же услугу оказывало греческое (византійское) церковное законодательство, номоканонъ: на номоканонъ ссылалось псковское духовенство, когда требовало освобожденія своихъ земель отъ обязанности военной службы. Но въ Византіи духовенство никогда не было освобождено отъ обыкновенныхъ повинностей, а только пользовалось льготой отъ чрезвычайныхъ. Поэтому въ номоканонѣ не могло быть статей, которыя бы оправдывали претензію псковскаго духовенства; претензіи эти, слѣдовательно, основывались не на византійскомъ законодательствѣ, а на ложномъ толкованіи послѣдняго на Руси. Однако, какъ на Западѣ идеаль, начертанный духовенствомъ, несмотря на энергическія анаематствованія, остался идеаломъ и не могъ овладѣть вполнѣ жизнью; такъ и на Руси абсолютныя притязанія духовенства удавались не вполнѣ, хотя относительно Новгорода и Пскова и нѣтъ извѣстій о прямомъ привлеченіи духовенства къ военнымъ обязанностямъ. Тамъ встрѣчаемъ мы только посредствующую ступень, на которой то, что не признается обязанностью, исполняется, по крайней мѣрѣ, какъ даръ. Ибо, если духовенство и не считало себя обязаннымъ за свои земли военною службою, тѣмъ не менѣе оно принимало на себя эту обязанность добровольно. Такъ, подобно тому, какъ владыка дѣлалъ ссуды изъ софійской казны на постройку городскихъ стѣнъ, такъ точно, въ качествѣ богатѣйшаго землевладѣльца, онъ выставлялъ со своихъ земель особый полкъ, который, однако, зависѣлъ отъ владыки гораздо больше, чѣмъ отъ Великаго Новгорода: полкъ имѣлъ своего особаго начальника, особую инструкцію отъ владыки, опредѣлявшую съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Да и это добровольное принятіе обязанности случалось рѣдко, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозила серьезная опасность.

Кромѣ рати, составленной на основаніи рубежа, разрыва военной повинности и потому называвшейся рубленою, не-

маловажный элементъ въ составѣ древняго войска образовали нерубленые, охочіе люди, охочій человѣкъ. Это не былъ простой сборъ людей, которые на войнѣ не могли ничего потерять, а рассчитывать на пріобрѣтеніе вой-чего и могли; между охочими людьми было много и изможныхъ (состоятельныхъ), которые имѣли средства на снаряженіе себя даже для конной службы. Нужно также замѣтить, что въ охочіе люди шли не только жители той страны, въ которой происходила война; напротивъ, на мѣсто дѣйствія и изъ другихъ странъ обильно стремился горючій матеріалъ. Охочіе люди совершали обыкновенно свои походы на судахъ. Многообразны названія, которыми характеризовались въ древности эти суда: лодь, лодья, лойва, насадъ, ушгуй (ускуй, оскуй, скуй—ссарна, *σκάφη*); послѣднее изъ этихъ судовъ ушгуй, равнозначительное, какъ кажется, съ насадомъ, вмѣщалъ въ себя примѣрно до 12 человѣкъ и былъ у охочихъ людей самымъ любимымъ: отъ этого судна и молодцы, предпринимавшіе отдаленные походы, носили имя ушгуйниковъ. Въ то время, когда война состояла изъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, такіе не особенно значительные и удобоподвижные отряды были весьма полезны и новгородцы пользовались ими, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ походахъ. Воеводѣ, назначенному въ походъ, стоило только кликнуть вличъ по городу и подъ его стягъ (знамя) со всѣхъ сторонъ начиналъ сбираться охочій человѣкъ, и шелъ то на сѣверъ, на непокорныхъ финновъ, то на западъ, на нѣмцевъ, то на юго-востокъ, на Москву.

Выше уже было замѣчено, что въ патриархальное время народъ, выступая въ походъ, сохранялъ свое значеніе и мирную организацію: собранія войска были вмѣстѣ съ тѣмъ народными вѣчами, представители племенъ и родовъ естественно переходили въ военачальниковъ. Отголоски этого быта были слышны еще долго въ теченіи исторической жизни. И послѣ войско по прежнему образовало вѣче, которое распоряжалось своею дѣятельностью въ качествѣ войска: опредѣляло, слѣдуетъ ли вступать въ битву и гдѣ именно, продолжать ли походъ или воротиться домой; судило точно также, какъ и народное собраніе; да и князья смотрѣли на войско, какъ на народное собраніе, и предоставляли ему равныя права, какъ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ

становится понятнымъ и то отсутствіе дисциплины, которымъ характеризуется древнее войско: такъ какъ вѣче нерѣдко не сходилось въ своихъ стремленіяхъ съ княземъ, то и войско, въ качествѣ вѣча, не считало себя обязаннымъ слѣдовать указаніямъ князя; временами даже образовывало отдѣльное отъ послѣдняго вѣче, точь-въ-точь, какъ это случалось въ самомъ Новгородѣ. Однако въ концѣ разсматриваемаго времени понятія военнаго и народнаго собранія нѣсколько раздѣляются. Войско уже не беретъ на себя отвѣтственности за судь надъ всѣми перебѣжчиками, а нѣкоторыхъ изъ нихъ доставляетъ въ народное собраніе. Последнее со своей стороны вмѣшивается въ ходъ войны, отправляетъ въ войско распоряженія о возвращеніи назадъ, даетъ ему при выступленіи опредѣленную инструкцію, съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Еще значительнѣе были измѣненія въ военачальствованіи. Хотя уже въ началѣ исторической жизни выработалась должность воеводы; тѣмъ не менѣе это были только одни зачатки, долго оставшіяся безъ всякаго развитія. Только въ концѣ разсматриваемаго періода замѣчается стремленіе, особенно во Псковѣ, придать военачальствованію нѣкоторую организацію: въ каждый отдѣльный отрядъ тамъ сталъ назначаться особенный воевода, назначаться на вѣчѣ отъ концовъ, обыкновенно изъ посадниковъ и считался большимъ воеводою. Такъ какъ концовъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было шесть, то обыкновенно назначалось шесть воеводъ, изъ которыхъ каждый предводительствовалъ двумя пригородными полками, составлявшими военныя единицы: ибо пригородовъ во Псковѣ было 12 и каждый изъ нихъ выставлялъ особенный полкъ съ особеннымъ значкомъ, стягомъ. Иногда, впрочемъ, отъ концовъ назначались и по два воеводы; тогда на долю каждаго изъ нихъ выпадало только по одному полку. Но если были большіе воеводы, то необходимо предположить меньшихъ; дѣйствительно, кромѣ воеводъ, выбранныхъ изъ посадниковъ, мы встрѣчаемъ еще воеводу, назначенныхъ изъ дѣтей посадничьихъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, слѣдовательно меньшихъ. Они, очевидно, находились подъ вѣдѣніемъ большихъ воеводъ, ибо иначе пришлось бы признать множество совершенно независимыхъ воеводъ. Даже и между большими воеводами существовало различіе: шести воеводамъ изъ посадниковъ придавался одинъ <что наобольшой воево-

да», а двѣнадцати—двое, изъ коихъ роль послѣдняго, конечно, могла принадлежать только одному; такимъ образомъ обыкновенно случалось, что большихъ воеводъ во Псковѣ было семь, или же четырнадцать. Главный воевода предположительно начальствовалъ собственно городскимъ полкомъ; неизвѣстно только, на этомъ ли одномъ основывалось его старшинство. Во всякомъ случаѣ, если даже не было прямого, отвлеченнаго, абстрактнаго подчиненія большихъ воеводъ главному, то нѣтъ сомнѣнйя, что существовало подчиненіе косвенное, посредственное, основывавшееся на сравнительно большей величинѣ, на сравнительно лучшемъ вооруженіи отряда, предводительствуемаго первымъ воеводой, которымъ обыкновенно былъ степенный посадникъ. Подобное же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно князя: и послѣдній непосредственно предводительствовалъ одною дружиной, которая въ походахъ и занимала отдѣльное мѣсто. Но начальство надъ дружиной давало ему право и на предводительство и надъ народнымъ войскомъ, въ чемъ онъ былъ лицомъ совершенно незамѣнимымъ, такъ какъ боярина, назначеннаго въ воеводы, не всѣ слушали. Князь со своей дружиной, образовавшей какъ бы военный классъ, долженъ былъ служить остальному войску примѣромъ: ему ставилось въ вину, когда онъ раньше другихъ оставлялъ мѣсто сраженія и тѣмъ причинялъ общее замѣшательство.

Войско выходило въ поле только на одинъ опредѣленный походъ, и если послѣдній, по какому-либо причинамъ, затягивался, то въ войскѣ легко могъ подняться ропотъ, особенно со стороны меньшихъ людей, на которыхъ тяжесть войны ложилась гораздо обременительнѣй. Размѣромъ предполагаемаго похода опредѣлялся, вѣроятно, и размѣръ захватываемаго съ собою продовольствія; болѣе же точнаго опредѣленія, подобнаго напр. трехмѣсячному сроку, на который на Западѣ каждый долженъ былъ запастись продовольствіемъ, не существовало. Вслѣдствіе недостатка продовольствія иногда все войско возвращалось вспять, иногда же только часть рати отпускалась домой; но обыкновенно изъ войска посылались отдѣльные отряды въ зажитіе, на фуражировку, какъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, такъ особенно въ непріятельскихъ; такіе отряды назывались зажитниками. Если въ земляхъ своихъ союзниковъ позволялось брать

все, за исключеніемъ «головъ» (скота?), то легко представить себѣ поэтому зажитѣ въ неприятельской землѣ. Продовольствіе, захватываемое съ собою войскомъ, помѣщалось вмѣстѣ съ военными принадлежностями: оружіемъ, шатрами, стѣнобитными орудіями, въ обозѣ, называвшемся въ древности товарами. При остановкахъ войска не было въ обычаѣ дѣлать укрѣпленныхъ лагерей; даже въ битвахъ не прибѣгали къ какимъ-либо укрѣпленіямъ на мѣстѣ сраженія, съ тѣмъ развѣ исключеніемъ, что на юго-востокѣ изрѣдка встрѣчается попытка обороны отъ враговъ съ плетнемъ или засѣками, стремленіе обострожитья и охавиться отъ непріятели. Даже самый обозъ, товары, не получалъ обычно военного назначенія: дѣло считалось потеряннымъ, когда врагъ досѣкался до товаровъ. И хотя византійскіе писатели и говорятъ объ умѣнши славянъ превращать свой обозъ въ укрѣпленный лагерь, дѣлать укрѣпленія изъ телѣгъ, составляющихъ обозъ, тѣмъ не менѣе такой городъ въ колѣхъ, *Wagenburg*, на Руси употреблялся чрезвычайно рѣдко, только на югѣ, гдѣ и былъ прототипомъ обыкновеннаго впоследствии малороссійскаго лагеря.

Русскому народу, раскинутому на большомъ пространствѣ и помѣщенному на рубежѣ Европы съ Азіею, естественно приходилось сталкиваться и мѣряться своими силами съ разными сосѣдями, представлявшими одинъ отъ другого весьма значительныя отличія. Поэтому нельзя не ожидать, что характеръ войны и строй войска получатъ въ разныхъ краяхъ Руси особенный отпечатокъ. Существовали собственно два главныхъ оттѣнка въ характерѣ веденія войны: юго-восточный и сѣверо-западный, новгородскій. Юго-восточный развился подъ вліяніемъ постоянныхъ столеновеній съ восточными кочевыми народами, въ особенности половцами и татарами. Отличительную черту восточнаго способа веденія войны составляетъ выработка битвы издали, поэтому необходимыми принадлежностями восточнаго войска были обыкновенно лукъ и стрѣла; поэтому кочевые народцы мало заботились и о военномъ строѣ въ битвѣ: войско дѣйствуетъ у нихъ обыкновенно конною толпою. Вся сила такого способа борьбы заключается въ томъ, чтобы помощію тучи стрѣлъ, которыя въ древности оказывали такую же услугу, какъ нынѣ ружье, привести непріятели въ смятеніе, а затѣмъ воспользо-

ваться возникшимъ замѣшательствомъ. Такимъ образомъ, отличительная тактика восточныхъ народовъ относительно непріятеля можетъ быть сведена къ слѣдующему выразительному правилу: бѣги, или я самъ побѣгу. Восточная тактика усвоивалась тѣми народами, которымъ приходилось имѣть столкновенія съ кочевыми народами; слѣды ея замѣчаются не только въ юго-восточной половинѣ Руси, но и въ Польшѣ. Въ послѣдней лукъ и стрѣла служили самымъ обыкновеннымъ и выгоднымъ оружіемъ; но къ славянамъ, жившимъ за Польшею, это оружіе не проникало. На Руси же вліяніе восточной тактики выразилось съ одной стороны вербовкой въ русское войско восточныхъ народовъ: торковъ, берендѣевъ, коуевъ, половцевъ, татаръ, которые образовали въ войскѣ особенный отдѣлъ стрѣлковъ, съ другой же, сформированіемъ подобныхъ отрядовъ и изъ русскихъ. Въстѣ съ тѣмъ и въ строѣ войска во время битвы явилось новое усложненіе: временами къ пяти прежнимъ полкамъ сталъ присоединяться шестой, составленный изъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, съ конца XII-го столѣтія, полный военный строй представлялъ два отдѣла и имѣлъ слѣдующій видъ: въ первомъ или главномъ ряду находились въ срединѣ большой полкъ, а по бокамъ правое и лѣвое крыло; во второмъ, переднемъ, ряду—передовой и сторожевой полки и стрѣлки; неизвѣстно только, какъ размѣщались полки второго ряда одинъ относительно другого.

Но русскому сѣверо-западу приходилось сталкиваться съ иными врагами, нѣмцами и литовцами, мало пользовавшимися стрѣлками и нерѣдко заимствовавшими ихъ отъ русскихъ, но за то выработавшими иной способъ веденія войны, который имѣлъ цѣлью успѣшнѣйшее дѣйствіе противъ непріятеля вблизи и который, сравнительно съ предъидущимъ, восточнымъ, можетъ быть названъ европейскимъ. Не трудно убѣдиться въ этомъ, если взглянуть бѣгло на преобладающій у литовцевъ и нѣмцевъ военный строй. Литовская фаланга, состоявшая въ томъ, что воины, вооруженные копьями, становились въ три ряда и закрывались щитами, образуя такимъ манеромъ подвижную стѣну, показываетъ ясно, какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ устройствѣ. Еще болѣе говоритъ за то же нѣмецкая фаланга, извѣстная подъ именемъ свиньи, великой свиньи (*svinfylking*, *caput porcinum*, *acies caneiformis*). Образованный

по формѣ головы свиньи, считавшейся въ миеологической древности за храброе и благородное животное, строй этотъ представлялъ треугольникъ или клинъ, который обыкновенно состоялъ изъ тяжело-вооруженныхъ ратниковъ или изъ такъ-называемаго на Руси желѣзнаго полка. Увѣренность нѣмцевъ въ своемъ строѣ и въ соотвѣтствіи его ихъ національнымъ особенностямъ была столь велика, что они обращали мало вниманія на другія средства битвы: и дѣйствительно, первый натискъ свиньи былъ, въ бблшей части случаевъ, непреодолимъ. Византійскіе писатели говорятъ, будто-бы и славяне также умѣли пользоваться клинообразнымъ строемъ; но на Руси неизвѣстно ни одного случая употребленія этого строя, а всѣ усилія были обращены только на успѣшнѣйшее отраженіе его, въ случаѣ столкновенія съ нѣмцами. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что, для отраженія свиньи, господствующей на Руси способъ распределенія войска на три или на пять полковъ былъ измѣняемъ въ противоположную клину фигуру, фигуру, которая у римлянъ называлась пяткомъ (V), а также ножицами и влещами: этимъ путемъ достигалась возможность охватить и уничтожить свинью. Но преобладающій характеръ европейскаго военнаго строя у народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться новгородцамъ, препятствовалъ послѣднимъ развитію себя бой издали; въ то время какъ въ юго-восточной Руси стрѣлки входили во всеобщее употребленіе, новгородцы, по своей отдаленности и обособленности, не знали стрѣлковъ, не умѣли защищаться отъ ихъ дѣйствія и оставались при двойномъ составѣ войска, изъ конницы и пѣхоты.

Конница, носившая въ древности названіе коневниковъ, конниковъ, коневой, конной рати, составляла главный элементъ въ древнемъ войскѣ. Отличительными принадлежностями ея были длинное коще и доспѣхъ или броня (на Западѣ—bruniae), отчего конная рать называлась также доспѣшною, желѣзною и кованою ратью. Весьма вѣроятно, что употребленіе металлическихъ доспѣховъ, которые своимъ блескомъ льстили новгородскому самолюбію, да и обитателямъ юго-востока внушали уваженіе, особенно развилось въ Новгородѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ, у которыхъ обычно было заковываніе ратниковъ въ металлъ, тогда какъ у славянъ панцырь не считался необходи-

мою принадлежностью война: одну изъ отличительныхъ чертъ польскаго воина отъ нѣмецкаго составляло въ древности отсутствіе доспѣховъ у перваго. Второй, вспомогательный, элементъ новгородскаго войска, пѣхота, носилъ въ древности названіе пѣшцевъ, пѣшцы, пѣшихъ, пѣшей рати и принадлежалъ къ разряду легко вооруженной силы. Оборонительнымъ оружіемъ пѣхоты былъ щитъ, а наступательнымъ, между прочимъ, короткое копье, дротикъ, называвшееся сулицей или совней (отъ су-ти и совати). Вслѣдствіе изобилія разныхъ водъ и неудобства путей сообщенія, пѣшая рать въ древности обыкновенно садилась на суда, почему перѣдко называлась судовою. При встрѣчѣ съ неприятелемъ, войско выходило изъ насадовъ и вступало съ нимъ въ битву на сушѣ; однако временами случалось, что бой происходилъ и на водѣ, именно когда неприятель не допускалъ до переправы: морскія битвы въ древности давались на рѣкахъ. На югѣ устройствомъ судовою рати прославился Изяславъ II: онъ сдѣлалъ крытыя лодки, на носу и кормѣ которыхъ поставилъ по особенному кормчему, такъ что суда могли двигаться назадъ и впередъ не поворачиваясь; гребцы находились подъ палубой, вслѣдствіе чего видны были только одни весла, а воины, одѣтые въ доспѣхи, стояли на верху и стрѣляли. Конница и пѣхота образовывали у новгородцевъ въ болѣе части стичекъ два подраздѣленія, на которыя войско естественно распадалось и которыми обыкновенно располагалось; притомъ такъ, что конница и пѣхота, если онѣ только не дѣйствовали совершенно независимо, занимали отдѣльныя, иногда весьма отдаленныя другъ отъ друга мѣста.

Двумъ русскимъ способамъ веденія войны, юго-восточному и сѣверо-западному, приходилось не только существовать и развиваться бою-о-бою, но и подвергаться неоднократнымъ столновеніямъ другъ съ другомъ. Въ древнѣйшее время, когда новгородцы не только откупали свою вольность деньгами, но и готовы были платить за нее въ случаѣ надобности и собственною жизнью, они умѣли съ честью выходить изъ столновеній съ юго-восточнымъ строемъ. Главный недостатокъ новгородскаго войска состоялъ въ неумѣнн биться издали, въ отсутствіи стрѣлковъ, въ непривычѣ выносить напоръ послѣднихъ, непривычѣ, которая лишала новгородскую конницу всякаго зна-

ченія; лишь только стрѣльби, не пытаясь дѣйствовать вовсе противъ самихъ новгородцевъ, облеченныхъ въ металлическіе доспѣхи, пускали по нѣсколькѣ стрѣлъ въ лошадей, въ войскѣ тотчасъ же происходилъ страшный беспорядокъ: лошади начинали бѣситься; всадники, не умѣя управляться съ своими длинными копьями, валились подъ нихъ, а затѣмъ наступало всеобщее бѣгство. Въ древнѣйшее время они помогали своему горю тѣмъ, что конница передъ битвой обыкновенно слѣшивалась и пускалась въ рукопашную, т.-е. придавала сраженію тотъ характеръ, который былъ болѣе выгоденъ для новгородцевъ. Этотъ способъ битвы, встрѣчающійся и въ другихъ вѣкахъ Руси, долженъ быть сочтенъ, кажется, за специфически русскій бой, о которомъ иногда упоминають источники. Понятно поэтому, что самыя славныя побѣды, одержанныя новгородцами въ теченіе своей исторической жизни и оставшіяся долго въ народной памяти: побѣды Колашеинская (1096 года) и Липицкая (1216 года), были добыты не на коняхъ, а пѣшими: тогда новгородцы не только сходили съ лошадей, но даже сбрасывали съ себя верхнее платье и сапоги. Но въ дальнѣйшемъ теченіи своей исторіи новгородцы привыкли отдѣлываться отъ непріятелей деньгами, да сверхъ того, вслѣдствіе увеличенія въ массахъ войскъ, должны были въ опасныхъ случаяхъ вербовать въ конницу не однихъ только землевладѣльцевъ, но и меньшихъ людей, которые обыкновенно шли въ пѣшую рать; короче, должны были принимать въ конницу лицъ, которые отродясь на лошади не бывали, плотниковъ и гончаровъ. У такой конницы не только не было прежняго одушевленія и храбрости, стремленія ударить въ рукопашную, но даже и желанія выносить походъ, если только онъ затягивался. Поэтому понятно, что пораженіе конницы было естественнымъ удѣломъ въ случаѣ столеновенія съ юго-восточнымъ строемъ: пораженія конной рати въ позднѣйшее время приготовили и паденіе Великаго Новгорода.

Битва, называвшаяся въ древности сступомъ, сступленіемъ, соймомъ, снятіемъ, совбупомъ и т. д., считалась, какъ и поединокъ, судомъ божиимъ, почему и замѣнялась нерѣдко поединкомъ предводителей или богатырей: вспомнимъ о борьбѣ Мстислава съ Редедей, о поединкѣ отрока съ печенѣгомъ. Но съ теченіемъ времени, поединки вышли изъ употребленія и усту-

нили мѣсто битвѣ. Последняя обыкновенно открывалась не прямо по встрѣчѣ противниковъ; враждебныя войска долго медлили, иногда по нѣскольбу дней, даже по нѣскольбу недѣль, особенно если ихъ раздѣляла рѣка, и старались вывести другъ друга изъ терпѣнія бранью. Предметомъ брани обыкновенно служили какъ физическія, такъ и нравственныя особенности борющихся, равно какъ и особа предводителя. Такъ, съ одной стороны поляви, при столкновеніи съ русскими въ 1249 году, поддразнивали послѣднихъ, говоря: «ударимъ на большія бороды»; съ другой—кіевляне въ борьбѣ съ новгородцами въ 1016 году бранили послѣднихъ «плотниками» и грозили заставить ихъ рубить для себя хоромы: въ новгородскомъ войскѣ ремесленниковъ было не мало. Особа предводителя давала также не малый просторъ для остроумія; такъ, въ 1018 году воевода Ярослав Будый задѣлъ Болеслава польскаго, сказавши: «мы проткнемъ тебѣ твое толстое чрево трѣскою» (палкою, не оружіемъ даже!); такъ, Ярослава новгородскаго кіевляне назвали въ насмѣшку «хромцомъ», указывая тѣмъ на негодность его въ военному дѣлу. Не всегда однако перебранка эта совершалась въ такой благообразной формѣ; предъ Шелонской битвой новгородцы издѣвались, кажется, очень рѣзко надъ московскими воеводами и надъ самимъ великимъ княземъ: ибо лѣтописецъ противоположнаго лагеря говоритъ, что они «какъ псы лаяли». Въ этой умственной перестрѣлкѣ какая-либо изъ воюющихъ сторонъ задѣвалась такъ мѣтко, что считала позоромъ оставаться въ дальнѣйшемъ бездѣйствіи. Предварительный бой на юго-востокѣ открывался обыкновенно стрѣлками; на сѣверо-западѣ же, гдѣ стрѣлковъ не знали, бой начинался сторожевымъ полкомъ. Иногда дѣло тѣмъ и кончалось и обѣ рати расходились. Но обыкновенно за первыми столкновеніями наступала настоящая битва, схватывались между собою главныя силы. Борьба шла по преимуществу въ рукопашную; борцы даже брали другъ друга за руки. Сначала вступала въ свалку пѣшая рать, пролагавшая себѣ дорогу тяжелыми метательными орудіями, остроконечными молотами (кіями) и топорами (streitaxt), и приводившая этимъ путемъ непріятеля въ смятеніе еще до столкновенія; за нею слѣдовали князья съ конными полками и дружинами, врѣзывались нѣскольбо разъ въ ряды непріате-

лей, пока не досѣкались товаровъ; считая дѣло проиграннымъ, противникъ тогда «вдавалъ, показывалъ плечи», т.-е. обращался въ бѣгство. Для послѣдняго каждое поражение должно было, по характеру древней войны, близко граничить съ абсолютнымъ поражениемъ; ибо древне-русское войско, будучи стремительнымъ въ наступленіи, не умѣло мѣнять послѣдняго на оборону, не умѣло пользоваться лагеремъ, подъ которымъ бы смѣло можно было вступать въ бой, въ надеждѣ скрыться въ него, какъ въ вѣрную крѣпость, въ случаѣ если-бы постигла неудача. Однако этого никогда не случалось, потому что побѣдители скоро забывали о неприятелѣ, бросались грабить обозъ и иногда начинали драться между собою изъ-за добычи, особенно когда въ походѣ участвовало нѣсколько союзниковъ. Пользуясь этою слабостью, нѣмцы иногда выходили невредимыми изъ затруднительнаго положенія: если столкновение съ русскимъ войскомъ не обѣщало ничего хорошаго, они выставляли впередъ обозъ, который русскіе и бросались грабить, а сами тѣмъ временемъ сгѣшили убраться восвояси. Не всѣ, впрочемъ, русскіе были одинаково падки на грабежъ обоза: лѣтописецъ отличаетъ смолянъ, предававшихся при первой возможности грабежу, отъ новгородцевъ, неуклонно продолжавшихъ бой до конца. Приобрѣтенію побѣды много содѣйствовали военныя хитрости, устройство подсадъ, засадъ, употребленіе западной рати, полка: при помощи этихъ средствъ не рѣдко и съ слабѣйшими силами удавалось одерживать побѣды. Побѣдители, на древнемъ языкѣ, становились «на костѣхъ» и ударили въ трубы.

Битвѣ въ чистомъ полѣ соотвѣтствовало взятіе городовъ (крѣпостей) приступомъ. Взятіе приступомъ, называвшееся въ древности взятіемъ на копье, копьемъ, открывалось пальбой изъ луковъ и праковъ, пороковъ (прати). Посредствомъ первыхъ старались затруднить дѣятельность осажденныхъ, которые защищались съ городскихъ стѣнъ также пороками и стрѣлами, да сверхъ того камнемъ, колодами, горячей водой и тому подобнымъ: пальба изъ луковъ мѣшала имъ выходить изъ-за забороля, за которыми они обыкновенно срывались. Пороки же принадлежали къ разряду метательныхъ машинъ, и камни, бросаемые этими машинами, достигали иногда столь значительной величины, что одинъ камень едва поднимали четыре, да и то

сильныхъ человекъ; но дѣйствіе пороковъ не всегда могло быть успешнымъ: въ случаѣ противнаго вѣтра бросаемые ими камни не достигали своего назначенія и обращались на самихъ осаждающихъ. Пороки обыкновенно заготовлялись предъ началомъ войны, въ Новгородѣ на владычнемъ дворѣ, и возились въ товарахъ, въ сопровожденіи порочнаго мастера. Дѣятельность пороковъ обращена была главнымъ образомъ на городскія стѣны, на людей же только временами; посредствомъ ихъ старались разбить крѣпостныя стѣны или, по крайней мѣрѣ, сбить съ города заборолу и такимъ образомъ лишить осажденныхъ возможности прикрытія. Вообще пороки собственно только расчищали дорогу для настоящаго приступа, который производился съ помощью примета. Приметь былъ не иное что, какъ масса бревенъ и соломы или же лѣса, воздвигнутые кругомъ осажденнаго города, и имѣлъ двойное назначеніе. Онъ служилъ или массою горючаго матеріала, посредствомъ которой старались зажечь городъ: на древнемъ языкѣ это обозначалось словами: зажечь городъ приметомъ; или же мостомъ, по которому осаждающіе взбирались на городскія стѣны. Взятіе городовъ приступомъ случалось впрочемъ рѣдко, особенно въ позднѣйшее время, когда значительно ослабѣла страсть къ войнѣ, когда увидѣли, что приступъ не обходится дешево, что при немъ «голова стануть падать съ обѣихъ сторонъ». Поэтому стали отдавать предпочтеніе пассивной осадѣ городовъ, которая называлась остоемъ, стояніемъ, облежаніемъ, и заключалась въ томъ, что непріятель, окруживъ городъ и выжегши окрестности (посады), не допускалъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ, не позволялъ осажденнымъ выходить въ зажитъе и старался лишить ихъ воды. Осаждающіе «стояли стоянемъ» около города въ ожиданіи того времени, когда осажденные явятся къ нимъ съ челобитьемъ; послѣдніе же сидѣли въ городѣ въ надеждѣ, что врагъ постоитъ-постоить, да и пойдетъ прочь, заключивши миръ по старинѣ. Но какъ бы непріятель ни овладѣвалъ городомъ, посредствомъ ли приступа, или же облежанія, за овладѣваніемъ обыкновенно слѣдовало, особенно въ древнѣйшее время, взятіе на щить, т. е., обращеніе въ пользу побѣдителя городского имущества, равно какъ и плѣненіе, порабощеніе населенія, особенно женщинъ и дѣтей: мужчинъ же временами не брали на щить, а

предавали избіенію. Нерѣдко взятіе на щитъ касалось не одного только города, но и распространялось на цѣлую область. Для избѣжанія подобной участи, осажденные не ожидали исхода осады, а сдавались добровольно, стараясь только выговорить въ предварительныхъ условіяхъ, чтобы непріятель не бралъ ихъ на щитъ; съ этою цѣлію они давали послѣдному откупъ, напр. драгоцѣнными металлами. Вообще взятіе на щитъ въ военномъ быту было тѣмъ же самымъ, что въ гражданскомъ—потокъ и разграбленіе, поэтому взятіе, дача на щитъ встрѣчалось и въ послѣдней области; имущество бояръ въ Новгородѣ, напримѣръ, отдавалось иногда на щитъ въ собственность остальныхъ горожанъ.

Условія, при которыхъ приходилось въ древности вести войну, вообще не благоприятствовали ни большимъ битвамъ, ни приступамъ. Съ одной стороны дурное состояніе путей сообщенія, съ другой трудность добывать продовольствіе, препятствовали собирать значительныя массы войскъ, которыя поэтому были немногочисленны; псковичи при сильномъ наборѣ выставляли въ XV-мъ столѣтіи только 10 тысячъ ратниковъ; новгородцы въ послѣднія критическія минуты своего существованія имѣли въ полѣ 30—40 тысячъ, а обыкновенное количество войскъ колебалось между 5 и 20 тысячами. Поэтому война ограничивалась большею частію мелкими стычками, и имѣла главнѣйшею цѣлію разореніе непріятельской земли: старались опустошить какъ можно бѣльшее пространство враждебной области, побывать тамъ, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды, и притомъ въ данныхъ предѣлахъ совершенно опустошить страну. Опустошить полосу земли, длиною верстъ въ триста, а шириною пятьдесятъ, или же разорить до восьмидесяти волостей, тогда было ни почемъ. Князья, заходившіе съ огнемъ и мечемъ глубоко въ непріятельскую землю, пользовались особенной славой въ отдаленномъ потомствѣ: какъ на югѣ Даніилу ставилось въ особенную честь, что онъ первый воевалъ Чешскую землю, такъ на сѣверо-западѣ отважностью и отдаленностью походовъ славились князья Довмонтъ и Давидъ (XIII и XIV вѣковъ). Относительно окончателности опустошенія непріятельской земли стоить только припомнить обширный словарь именъ, обозначающихъ обыкновенный актъ опустошенія: тереть, терять, истратить, потравить,

положить пугу, выжечь землю, волость, села, обилье. Выжечь селенія, погубить хлѣбъ, а скота не оставить «ни рога», ни «куряти», составляло славу похода; въ противномъ же случаѣ, когда не удавалось погулять въ непріятельской землѣ, походъ возбуждалъ насмѣшки какъ со стороны своихъ, такъ и противниковъ: говорили, что рати ничего не удалось взять, развѣ только «земли копытомъ», что, вмѣсто непріятельскаго города, «едва взяли пѣшкомъ свои собственные дома», т.-е. едва возвратились домой. Съ цѣлью полнѣйшаго опустошенія непріятельской земли, войско нерѣдко пускалось «въ разгонъ», т.-е. раздѣлялось на мелкіе отдѣльные отряды, разорявшіе страну по разнымъ направленіямъ и нерѣдко подвергавшіеся печальной участи; особенною дѣятельностью при этомъ отличались охочіе люди, изъ которыхъ то и дѣло что составлялись новые и новые отряды и вторгались въ вражескіе предѣлы. Кромѣ того, вслѣдъ за войскомъ, въ непріятельскую страну стекались съ порубежныхъ мѣстъ всѣ тѣ, которыхъ соблазнялъ грабежъ, и которые доканчивали то, что начато было войскомъ.

Если уже между отдѣльными частями Руси взаимная ненависть достигала иногда значительныхъ размѣровъ; если новгородцы, памятуя разореніе Торжка тверичами, шли въ 1375 году подъ Тверь «скрегчюще зубы своими на тверичь»: то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта ненависть разыгрывалась особенно тогда, когда вражда обуславливалась національными и религіозными различіями. Религіозный отпечатокъ ярео выступаетъ въ борьбѣ русскаго сѣверо-запада съ нѣмцами и шведами, борьбѣ, отголоски которой раздаются и по настоящее время. Послѣдніе, утвердившись на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, начали тѣснить оттуда русскихъ и сопровождали свое движеніе на востокъ не только христіанизированіемъ языческихъ финновъ, но и крестовыми походами противъ самихъ русскихъ. Если на Руси и не находилось охотниковъ вступать въ теоретическія пренія о вѣрѣ съ рыянными свѣйскими философами; если послѣднимъ и предлагалось въ подобныхъ случаяхъ ѣхать въ Константинополь для состязанія съ патріархомъ, котораго считали за лучшаго судью въ дѣлѣ о преимуществахъ вѣроисповѣданій; за то русскіе практически очень усердно защищали свою религію, свою землю. Борьба съ нѣмцами и шведами по-

лучила преимущественное значеніе стоянія за домъ св. Софьи и св. Троицы. Въ битвахъ съ ними псковичи обыкновенно взывали къ лицамъ, особенно содѣйствовавшимъ самостоятельности Пскова, обращались къ Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимоею; у нихъ образовалась даже особенная стереотипная фраза для возбужденія къ ревностному стоянію за отечество: «братья-мужи псковичи, кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ, потягнѣте за св. Троицу». Самое выступленіе въ походъ совершалось иногда съ особенною религиозною церемоніальностью. Такъ Довмонтъ, предъ отправленіемъ въ походъ на нѣмцевъ, вошелъ въ храмъ св. Троицы, снялъ свой мечъ и положилъ предъ алтаремъ; затѣмъ совершилъ молитву, послѣ которой игумень съ священнымъ чиномъ опоясалъ его мечемъ и благословилъ въ путь. Въ этой борьбѣ тягчайшая масса волъ обрушилась не на голову одного изъ противниковъ, а на третье лице, помѣщенное между ними, на финновъ. При своемъ распространеніи по восточной Европѣ, и русскіе и нѣмцы успѣли подчинить своей власти нѣкоторыя части финскаго племени и стремились, каждый за себя, распространить это господство и на остальные. Вслѣдствіе таковаго положенія между двумя могущественными сосѣдами, финнамъ приходилось колебаться между ними, нерѣдко прибѣгать къ перевѣту, къ измѣнѣ; но измѣна только ухудшала ихъ дѣла. Съ одной стороны ихъ нисколько не щадили противники въ ихъ взаимныхъ войнахъ: въ одномъ случаѣ цѣлая пещера съ финнами была затоплена русскими, а въ другомъ зажженъ островъ, откуда финнамъ пришлось бѣжать съ горящими волосами; съ другой же стороны, и мѣры, которыми хотѣли искоренить между финнами измѣну, принадлежали къ числу самыхъ радикальныхъ: въ договорѣ новгородцевъ со шведами 1340 года положено было, и той и другой сторонѣ избивать и вѣшать финновъ, въ случаѣ ихъ передачи. При такихъ обстоятельствахъ исчезновеніе финновъ съ лица земли было явленіемъ совершенно естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то ровное въ судьбѣ племени, противъ котораго одинъ изъ новгородскихъ князей хотѣлъ послать войско, приведенное съ Низу на нѣмцевъ, на томъ единственномъ основаніи, что войску нужно же гдѣ-либо пожитья: если не у нѣмцевъ, которые успѣли уже примириться, то по крайней мѣрѣ у Корѣлы!

Измѣненія, совершившіяся въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ въ культурномъ и политическомъ состояніи древней Руси, отодвинули прежнія военныя силы на второй планъ. Еще во время послѣдняго вѣка самостоятельнаго существованія Новгорода и Пскова, подвергавшихся постоянному воздѣйствію со стороны нѣмцевъ, замѣчаются тамъ слѣды употребленія огнестрѣльнаго оружія. Какъ при защитѣ городовъ, такъ и при осадѣ ихъ, на ряду съ прежними машинами, стали появляться пушки, называвшіяся также пусками, пусвичами, пущичами (пускать): на новгородскихъ стѣнахъ было, напр., пять пушекъ. Заготовленіе пушекъ и пороху (зелья), подобно заготовленію военныхъ судовъ, принималъ на себя главный городъ: во Псковѣ, наприм., каждый городской вонецъ имѣлъ свой особенный пороховой складъ при какомъ-либо храмѣ. Однако, хотя при осадахъ городовъ и старались обыкновенно запастись пушками, тѣмъ не менѣе, по неумѣнью обращаться съ ними, пушки не приносили особенной пользы: при стрѣляннн иногда разрывало станокъ и связи. Въ чистомъ же полѣ пушекъ совсѣмъ не употреблялось: новгородцы защищали послѣдніе остатки своей свободы не артиллеріей, а по прежнему, конною и пѣшею ратью; да и москвичи подчиняли ихъ своей власти не пушками, а извѣстными уже намъ военными средствами, стрѣлами и засадою. Только съ водвореніемъ въ Новгородѣ и Псковѣ московскаго владычества получаетъ значеніе и огнестрѣльное оружіе; тогда изъ составныхъ частей войска выдаются на первый планъ нарядъ и пицальники. Нарядъ былъ не иное что, какъ артиллерія, а пицальниками назывался особенный отрядъ войска, отличительнымъ оружіемъ котораго была пицаль: во Псковѣ этотъ отрядъ простирался до тысячи человекъ и дѣлился на сотни, подвѣдомственные сотникамъ. Прежняя же военная сила, получившая вмѣсто стараго имени рубленой рати названіе посохи, отодвинулась на второй планъ. Будучи разнообразнымъ, назначеніе ея, въ большей части случаевъ, оставалось служебнымъ: посоху заставляли тянуть суда, мостить мосты, собирать зеленую руду, наблюдать за нарядомъ, нести приметь и только иногда водили на приступъ.

Но измѣненіе въ характерѣ военной силы необходимо вызвало и перемѣну въ распредѣленіи военной обязанности по

населенію. Два главныхъ вида военной обязанности, служба въ пищальникахъ и въ посохѣ, были разложены по населенію такъ, что первая служба падала на горожанъ, вторая же, посоха, на сельскихъ жителей. Посоха была явленіемъ старымъ, обычнымъ, а потому и не возбуждала особеннаго неудовольствія: и прежде съ извѣстнаго числа сохъ ставился конный человѣкъ; разница заключается развѣ въ томъ, что теперь, такъ какъ посохи рѣдко шли подъ нарядъ, конный человѣкъ становился чаще съ телѣгой. Подобно тому, какъ прежде пріютомъ для охочаго человѣка служила гнѣшая, судовая рать; такъ и теперь таковой же пріютъ доставляла ему посоха, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь охочій человѣкъ не руководился, при поступленіи въ войско, одною только надеждою на добычу въ войнѣ, а поступалъ въ посоху за извѣстную плату, которую получалъ отъ лицъ, желавшихъ избавиться отъ службы. Плата охотникамъ, если не говорить о колебаніяхъ, зависѣвшихъ отъ естественнаго хода вещей, была различна, смотря по роду посохи, въ которую нанимался охотникъ. Такъ, плата конному охотнику простиралась, напр., отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, а гнѣшему составляла около двухъ въ тотъ же срокъ. Болѣе отяготительна была служба въ пищальникахъ, падавшая на города: на 500 пищальниковъ, выставленныхъ псковичами для похода 1535 года, потребовалось 3000 подводъ съ 3000 четвертей овсяной заспы, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду и т. д. Временами города должны были нанимать отъ себя и посоху, что, при частомъ повтореніи, доводило ихъ до совершеннаго обнищанія: денегъ для найма охотниковъ не стало, а потому невольно приходилось горожанамъ самимъ идти въ посоху и гибнуть въ ея рядахъ отъ холода, голода и работы.

Увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ, вызванное трудными войнами XVI-го столѣтія, естественно влекло за собой и уничтоженіе всѣхъ изъятій, какія существовали до этого времени. Прежде, въ періодъ самостоятельной мѣстной жизни, жители главнаго города пользовались свободой отъ городоставленія, а духовенство стремилось, и не рѣдко успѣвало, освободиться не только отъ обязанности строить города, но даже и отъ набора рекрутъ съ ихъ земель. Но въ XVI-мъ вѣкѣ новгородскіе горожане (псковичи же и раньше всегда принимали участіе въ постройкѣ

своего города) и духовенство Новгорода и Пскова потеряли все свои преимущества. Въ 1517 году псковское духовенство должно было принять участіе въ поправкѣ крома на ряду съ остальными жителями Пскова, должно было возить камень, необходимый для работы. Въ 1534 году тоже явленіе повторилось и на Новгородѣ, гдѣ постройка сгорѣвшаго города была разложена по всемъ горожанамъ, въ числу которыхъ были отнесены новгородскій владыка и духовенство. Подобное же измѣненіе случилось и въ другой отрасли военной обязанности, въ наборѣ рекрутъ. Въ 1518 году въ участію въ полоцкомъ походѣ было призвано и псковское духовенство: оно должно было поставить коней и телѣги для провоза наряда, иначе принять участіе въ посѣхѣ. Но увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ и новизна въ распредѣленіи военныхъ повинностей вызвала громкія жалобы противъ правительства. Горожане жаловались на тягость обязанности поставлять пищальниковъ, на обнищаніе отъ посѣхи; говорили, что великій князь заселяетъ чужіе города, а свои дѣлаетъ пустыми; стараясь овладѣть чужими землями, теряетъ свои и даромъ губить народъ. Духовенство жаловалось на нововведеніе, на то, что въ несеніи повинностей ихъ стали ставить на одну доску съ простымъ народомъ.

Въ планѣ нашего очерка, однако, не входитъ разъясненіе смысла и справедливости этихъ жалобъ: наша задача состояла только въ томъ, чтобы изъ состоянія войска въ XVI-мъ столѣтіи, которое можетъ служить предметомъ для совершенно самостоятельнаго труда, извлечь нѣкоторыя черты для доказательства сдѣланной нами характеристики предшествующаго періода.

А. И. Никитскій.

ЖУРНАЛЪ СОБСТВЕННЫЙ К. Н. Т. ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ВЪ 1717 Г. ИЗЪ НѢМЕЦКОЙ ЗЕМЛИ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы печатаемъ записку, собственноручную книжку генераль-фельдмаршала, генераль-прокурора и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Никиты Юрьевича Трубецкого, родившагося 26 мая 1699 г. и умершаго 16 октября 1767 года. Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, человѣкъ обширнаго и, по своему времени, просвѣщеннаго ума, другъ сатирика кн. А. Д. Кантемира, князь